

ОТЗЫВ
 официального оппонента на диссертационную работу
АНДЕРС КРИСТИНЫ ЮРЬЕВНЫ
 «Особенности перевода ветхозаветных книг Михаилом Фотинским»
 (Новосибирск, 2016. 255 с. с приложением),
 представленной на соискание ученой степени
 кандидата филологических наук
 по специальности 10.02.01 – Русский язык

В диссертации Андерс Кристины Юрьевны исследуется труд православного священника Михаила Фотинского из г. Радомышля (Радомысля) Киевской губернии, выполненный в конце XVIII-начале XIX века, а именно перевод ряда библейских книг с еврейского оригинала. Исследуемый текст объемом 142 л. хранится в Российской государственной библиотеке, в отделе рукописей, и никогда не привлекал к себе ученого внимания. Диссертация состоит из введения и трех исследовательских глав (117 с.), списка источников и научной литературы (более 200 номеров), приложения.

Первая глава содержит исторический очерк переводов Библии на русский язык и источниковедческое описание материалов диссертации. Во второй главе рассмотрены языковые особенности выполненного Михаилом Фотинским перевода, в третьей – стилистика и семантика перевода.

Находка И.А. Реморовым этого своеобразного и, безусловно, ценного документа среди рукописей Российской государственной библиотеки была счастливым событием, введение в научный оборот нового источника стало делом К.Ю. Андерс, которая оказалась хорошо подготовлена к ответственной задаче, понимая всю ее значимость. Мало что известно о судьбе Михаила Фотинского, но его лингвистические познания и способность работать со сложными библейскими текстами говорят о том, что он был выучеником Киевской академии, ибо в Москве и Санкт-Петербурге преподавание еврейского языка стояло невысоко и получило развитие лишь после издания учебного пособия Г.П. Павского (1822).

Очерк истории русских переводов Библии создает в 1-ой главе необходимый фон для оценки этого нового документа. Следовало, возможно, не только упомянуть, но уделить больше внимания переводу Псалтыри с еврейского оригинала, выполненному в конце жизни московским архиеп. Амвросием (1708-1771), также киевским питомцем (одна цитата из этого труда все же есть на с. 78). Возможно, ему оказывал помощь в работе Варлаамий Лящевский (1702-1774), профессор Киевской академии, который был вызван в 1747 г. в г. Санкт-Петербург для редактирования Библии, а с 1753 г. пребывал в Москве в должности архимандрита Донского монастыря. Настойчивые требования Св. Синода держаться при издании Елизаветинской библии 1751 г. одного только греческого оригинала Септуагинты обусловлены ни чем другим, как конфессиональными предубеждениями, они породили ответное стремление к восстановлению научного авторитета масоретского текста. Интересно было бы сопоставить главы из книги Бытия с переводом на русский язык этой книги, который издал в 1816 г. архим. Филарет Дроздов (мельком упомянут на с. 36); там тоже есть толкования. В течение полувека предпринято, таким образом, три обращения к еврейскому оригиналу Библии; при внешней независимости друг от друга сообща они выражают культурное и научное движение своей эпохи. Этот процесс языкового, литературного и религиозного развития был скрыт от внимания историко-филологической науки, ибо взгляд ее был прикован почти исключительно к процессу сложения норм новой литературы и ее языка, что было успешно выполнено деятелями карамзинского круга и блистательно завершено Пушкиным. Попытки архаистов выработать путь альтернативного развития с опорой на старую культурную традицию, казалось, в тот момент провалились полностью. Однако материалы, на которых построена диссертация, позволяют открыть еще одну значимую деталь исторической картины: успех Синодального перевода, полностью увидевшего свет лишь в 1876 г., нуждается в объяснении. Безусловно, он стал результатом долгой работы, также начавшейся в Петровскую эпоху и представленной только что

названными опытами. Кажется, что они не связаны между собою, но это первое впечатление может быть ошибочным.

Что касается русского языка, на который сделан перевод, то едва ли переводчик осознанно отказывается от славянского, руководствуясь серьезными языковыми воззрениями. Лишь в Санкт-Петербурге, в кругу Г.Р. Державина, И.А. Крылова, Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова и других яких деятелей, могли с необходимой полнотой ставиться вопросы о природе национального литературного языка, о его стилистических нормах. Сколько-нибудь успешное развитие языка письменности невозможно без совместных усилий группы образованных лиц и создания большого массива новых текстов. Так, и уединение философа Григория Сковороды принесло плоды, которыми смогли воспользоваться лишь потомки. Пестрота и невзыскательность языковых навыков переводчика очевидны (примеры на с. 62). Но они открывают нам культурные навыки провинциальной интеллигенции своего времени, и тем интересны. Что касается орфографии, то рукопись представляет собою, вероятно, писарскую копию (бумага 1804 г., а текст был готов уже в 1806), поэтому едва ли нужно ее правописание целиком относить на счет автора; странное соединение малорусских черт с аканьем позволяет так думать. Отсутствие мягкого знака после Л говорит только об орфографии, но не фонетике (с. 55-56). Написание *ишиоль* (с. 66) имеет фонетический характер, это *изиель* и ничего более. Лексическая пестрота также была гораздо шире, и такие формы как *мармор* и *мур* (с. 53) лучше оценивать как провинциализмы или малоруссизмы, они известны и другим авторам эпохи (сужу по «Словарю русского языка XVIII века»). В целом диссертант дает разностороннее и компетентное описание языка рукописи.

Нет никаких сомнений в том, что переводчик не озабочен тем, чтобы библейское повествование было передано средствами церковно-славянской языковой стихии. Это кажется даже удивительным, ибо взаимосвязь «божественного» содержания и лингвистических славянских средств

казалась естественной и единственно возможной в ту эпоху. Оригинальность и даже парадоксальность ситуации заключается в том, что греческий язык оказывается в корреляции со славянским, тогда как еврейский – с русским.

Немало интересных сведений представлено по вопросу о мастерстве переводчика и его стремлении справиться с передачей семантики библейского текста в условиях другой культуры. В связи с этим перевод характеризуется как культурологическое предприятие (с. 36). Переводчик склонен к языковорочеству, средствами родной речи он стремится передать внутреннюю форму еврейского оригинала. Это видно по таким примерам как говорка «произношение», вылиток «отливка», пороговать «обивать пороги», нарочитище «назначенное место» и др. (с. 73-74). Я бы назвал такую манеру перевода «нострификацией» или «интимизацией», т.е. разносторонним включением переводимого текста в ту картину мира, какая открыта читателю. Однако *татары* для обозначения жителей Кедара (с. 81) порождено словарем Иоанна Буксторфа (1607), где предложено соответствие ‘*Kedareni, Tartari, populi*’, ибо в средние века и даже в XVIII в. *tartari* служило обозначением всех кочевых народов. Замечательно, что в скромных условиях Радомышля у Михаила Фотинского был этот словарь, одно из высших достижений европейской лексикографии XVII века. Кроме того переводчик пользовался комментариями Раши, и это вполне естественно, потому что во все печатные издания Танаха входили толкования (как это верно отмечено на с. 101), без толкований еврейский текст издавали только христиане. И хотя христианские издания носили научный характер и вследствие этого были редки и дороги, однако и они были в распоряжении Фотинского, который ссылается, в частности, на труд Христиана Рейнекция (Christian Reineccius, 1688-1752) *Biblia Hebraica, Lipsiae*, 1725 (с. 86 диссертации).

Манера перевода получает достаточно полное описание. Лишь немногие примеры из числа темных мест и ошибок, рассмотренные в работе, мне не кажутся надежными. Так, евр. *mšk* (Пс 28.3) все-таки имеет основным своим значением «тащить, тянуть» (‘to draw’ в словаре Brown-Driver-Briggs),

переводчик везде и здесь тоже склонен держаться основного значения для «нострификации» текста. Перевод *проколоть* для глагола kur (Пс 22.17) не кажется натяжкой в пользу христианства (имеются в виду крестные раны Христа), примерно так переведено и в Септуагинте (όρύσσω) в середине II в. до н. э.; и хотя толкование Раши изящно связывает значение «терзать» со львами, оно не является всеобще принятым даже в среде иудеев. Функциональная нагрузка, которую переводчик дал славянизмам, описана убедительно (с. 87-88); замечательно то, что в целом она подчинена задачам семантики, а не стилистики. Эта особенность труда Фотинского говорит о том, что в центре его интересов стояли вопросы библейского богословия, ни миссионерские задачи, ни литературные его не увлекали.

Большой исследовательской удачей работы стало установление связи перевода Фотинского с немецкими переводами Библии Моисея Мендельсона. Приведены убедительные доказательства этого факта. Радомышль, где трудился наш переводчик, находился в полосе еврейской оседлости, таким образом, труды выдающегося еврейского просветителя, изданные между 1788 и 1805 гг., очень быстро нашли себе дорогу к заинтересованному читателю. Одного этого открытия достаточно, чтобы оправдать все усилия и старания диссертанта.

Приложение, объемом более ста страниц, содержит публикацию комментариев Фотинского к переводу книг Бытия и Псалтыри, основой которых стали толкования Раши и труды Мендельсона. Этот материал составляет лишь скромную часть изучаемого памятника, но содержит множество ценных сведений, которые нуждаются в дальнейшем тщательном исследовании.

Так, вызывает большой интерес тот факт, что православный священник легко отказывается от христианской традиции и пользуется еврейской терминологией. У него встречаются формы Егова (тетраграмма), Щонъ (Сион), Цоръ (Тир), Авshalомъ (Авессалом), Θаршишъ (обозначение восточной части Средиземноморья) и др. Заслуживает внимания

систематическое написание обозначения страны и собственного имени в форме Ісраэль (с. 182 и др.). Возможно, за этим стоит произношение начального гласного [e] без йотации и отражает живую традицию малороссийских евреев. Вообще, эта работа православного священника едва ли могла быть выполнена без помощи раввински образованного лица. Творческое сотрудничество христиан и иудеев в Европе имело место на всем протяжении второго тысячелетия н. э., его следует допускать и в этом случае.

Безусловно, крайне необходимо критическое издание труда Михаила Фотинского в его полном объеме. Во многих отношениях это уникальный памятник письменности. Он будет полезен историкам языка, культуры и религиозной мысли. Едва ли автор его всерьез рассчитывал на публикацию, и поэтому его творческий потенциал не был связан цензурными ограничениями. Его неординарная личность сказалась в этой работе во всей полноте.

Общая оценка диссертационного исследования в высшей степени положительная. Источниковедческий очерк первой главы дает точную и достаточно полную историческую картину. Методика лингвистического анализа вполне надежна, оценка языковой ситуации и ее частных проявлений содержательна и обладает необходимой полнотой. Обращение к иноязычным источникам, включая еврейские, греческие и немецкие, выполнено компетентно. Публикация исследуемых пассажей в тексте диссертации и материалов в приложении за исключением редких опечаток позволяет составить полное впечатление о изучаемом источнике. Научная библиография обширна, составлена компетентно.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертационное исследование К.Ю. Андерс отвечает всем требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, сформулированным в п. 9. «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г., и паспорту специальности 10.02.01 –

Русский язык. Андерс Кристина Юрьевна, безусловно, достойна присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Доктор филологических наук, профессор;
заведующий кафедрой библеистики
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

31.10.2016

Анатолий Алексеевич Алексеев

199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 9/11;
тел. +7 812 363 66 53;
e-mail: a.alexeev@spbu.ru.

Подпись руки
Алексеева С. А.
Удостоверен

[Signature]

ХОМУТСКАЯ Л. П.
« 31 » 10 20 6 Г.

